

Марина
СЕРОВА

Под знаком
СОВЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова

Под знаком совы

Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73864282
Под знаком совы / Марина Серова: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-246116-3

Аннотация

В сером и неприветливом Тарасове конец ноября не сулит ничего, кроме хандры, ледяного дождя и бесконечных чашек кофе. Частный детектив Татьяна Иванова меньше всего хочет покинуть свою уютную квартиру. Но настойчивый звонок старой школьной подруги Анны Семеновой заставляет ее выйти из тени.

Аня – успешная владелица клиники эстетической медицины «Вертикаль». Ее жизнь кажется идеальной, однако детективное чутье Татьяны подсказывает: за безупречным гляncем семейного счастья скрывается холодный блеск стали и тайны, которые лучше не ворошить.

Праздник триумфа оборачивается кошмаром: мужа Ани находят мертвым в собственном кабинете, а Аню обнаруживают рядом в полубессознательном состоянии. Теперь она – главная подозреваемая. Чтобы спасти подругу, Татьяне предстоит распутать клубок из интриг, зависти и тонких манипуляций. Кто стоит за диверсиями в клинике? Какую роль в этой драме играет

тихая помощница Элла? И какую правду скрывает «цыганская игла», ставшая зловещим символом разрушенной жизни?

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Марина Серова

Под знаком совы

Copyright © Серова М.С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

– Тань, ну пожалуйста, это очень важно для меня! – Голос в телефонной трубке был радостно-возбужденным, что в одиннадцать утра субботы казалось личным оскорблением.

– Да ну, ты же знаешь, что я бобыль-затворник, – буквально выплонула я, еще плотнее кутаясь в одеяло. Оно было моей крепостью, цитаделью и единственным значимым социальным контактом на сегодня.

– Мне что, взывать к твоей совести?

Я отчетливо представила, как Семенова на том конце провода сузила глаза и лукаво улыбнулась. Ее тон не сулил ничего хорошего.

– Попробуй, – буркнула я в ответ, уткнувшись носом в подушку.

– Попробую! – парировала она без паузы. – Например, напомним, что ты последнюю неделю в два часа ночи смотришь мои сторис. Хочешь узнать, как дела у старой подруги? Так спроси в лоб!

Я нахмурилась, хотя она этого видеть не могла. Чертова технологическая слежка.

– Ты что, смотришь, кто интересуется твоими сторис?

– Конечно, – прозвучало так же естественно, как «я дышу». – Особенно когда это делают мои друзья. Это же диагностика! По тебе, кстати, все ясно: приступы ночной сентиментальности и социальной тревожности, сведенные воедино. Лечение одно – живое общение.

Я простонала. Она попала в точку. Как всегда.

– Ну так ответь мне, как давно мы не виделись?

– Да что ты говоришь, Семенова. Я вообще-то периодически тебе пишу. Но у тебя там то Мальдивы с Антоном, то какие-то «расширения «Вертикали»... – я запнулась и поморщилась. Звучало это по-дурацки, как будто речь шла не о клинике эстетической медицины, а об освоении космоса.

– Хорошо, тут согласна. А ты не помнишь, как в школе кое-кто... кое-кому... – по тону было слышно, что Аня улыбается уже во весь рот, вспоминая ту самую историю...

– Ла-а-адно, все, сдаюсь. Ты победила.

– Отлично. Сегодня в 16:00. Я тебе адрес сброшу.

Я нажала «отбой» и еще раз взглянула на время. 11:21. Я вроде никогда не была совой, но осень – это точно не мое время. Это время хандры, горячего чая и оправданий, почему ты до сих пор не поменяла летнюю резину на зимнюю.

Я вылезла из кровати. Мир за пределами одеяла оказался холодным и враждебным. Уже несколько недель пейзаж в

квадрате окна напротив моей кровати был выкрашен в пятьдесят оттенков серого. Я пошарила ногами по холодному ламинату в поисках тапочек-«медвежат», нашла только одного и, хромя, пошаркала сначала в ванную, а затем на кухню. В эту затяжную серость меня не спасал даже кофе.

Тем не менее, будь то ритуал или химическая зависимость, пропустить процесс кофепития я не могла. Сил на долгую церемонию с джезвой и кардамоном не было, поэтому я просто ткнула пальцем в кнопку на кофемашине – старой, вечно ворчащей, как обиженная пенсионерка в очереди. Она, фыркнув паром, выдала мне порцию черного. Напиток приготовился быстро, а может, мне так показалось, ибо мозг мой все еще находился в состоянии, близком к коматозному, и выпадал из реальности на паузы по десять секунд.

На мне была пижама с едва ли не выцветшими от стирок енотами, которые теперь смотрели на мир с усталым фатализмом, словно предвидя мой день. Я села на стул у подоконника, обхватив большую белую кружку – подарок от Ани с надписью «Лучший детектив» – обеими ладонями, будто это был святой Грааль, дарующий бодрость. Уставилась в окно с твердым намерением проснуться за то время, пока буду пить кофе.

Вид с седьмого этажа в Тарасове всегда был пестрым и честным: влево уходила громада типовых панелек-«свечек», вправо – покосившиеся, но гордые домики старого центра с барскими мезонинами и запущенными садами. Прямо пере-

до мной, как навязчивый рекламный щит, высился новенький спортивный комплекс с зеркальным фасадом. Но сейчас передо мной был черно-белый графический роман под названием «Конец ноября». Небо напоминало грязную вату, приплюснутую низкой крышкой. Деревья стояли голые, мокрые и скрюченные. Вдали тускло блестела свинцовая лента Волги. Хорошо хоть дождя не было и асфальт внизу оказался сухим – на этом, как говорится, спасибо. Внизу копошились люди, укутанные в пуховики и шарфы. Климат у реки – обманщик: сырость пробирает до костей, а когда зима бесснежная, холодный воздух становится влажным и тяжелым, им дышать трудно, словно глотаешь ледяную кашу. Зима официально еще не пришла, но ноябрь, поджав хвост, уже семенил к ее порогу. Я сделала глоток кофе. Он был горьким и беспощадным, как эта погода. Идеальное начало дня для детектива, которому предстоит выслушивать истории «о расширении «Вертикали».

«Вертикалью» звалась клиника эстетической медицины, владельцами которой были Анна и Антон Семеновы. Аня – моя одноклассница. Она была веселой брюнеткой, яркой, и еще в школе я знала, что Семенова добьется успеха в бизнесе. Помню, как она в десятом классе организовала подпольное производство мыла ручной работы прямо на уроках химии. Не просто какие-то кривые брусочки, а целую линейку: с эфирными маслами, лепестками роз, модным тогда «ароматом чистоты». Лаборантка, пожилая Варвара Петров-

на, ворчала, но закрывала глаза – Аня умела располагать к себе даже самых суровых людей. Она же и продавала это мыло, красиво упакованное в крафтовую бумагу, по цене втрое выше магазинной. Все тогда думали: ну, химия у нее хорошо идет. А я видела другое: безупречное понимание формулы успеха. Смешать нужные ингредиенты (знания), придать привлекательную форму (маркетинг), упаковать в красивую историю (имидж) и продать с улыбкой, создающей ощущение эксклюзива. Прямо по учебнику.

Смотрю на нее теперь – владелицу «Вертикали» – и вижу ту же схему, только в масштабе. Чтобы преуспеть в таком деле, где люди платят за красоту и доверие, нужна была стальная хватка под бархатной перчаткой. Уверенность, граничащая с безрассудством, чтобы вложиться в дорогое оборудование. Педантичная дотошность в вопросах стерильности, составов, технологий – та самая школьная химия, возведенная в абсолют. И главное – умение быть не просто врачом, а психологом, таким волшебником, который видит твои комплексы и уверенно обещает их исправить. У Анны это получалось органично. Она светила какой-то внутренней убежденностью, что ее методы – лучшие. Клиенты это чувствовали и верили.

Я снова отхлебнула кофе. Внизу, во дворе, звонко залаяла собака. Вдалеке кто-то гудел клаксоном, вгоняя в тоску, – судя по звуку, это был отечественный автопром в предсмерт-

ной агонии.

Сегодня Семеновых ждала очередная победа. Я имела неосторожность просмотреть вчера вечером сторис об этом в ее аккаунте. Сегодня их ждал розыгрыш тендера на реконструкцию исторической аптеки в центре города, и Аня ни минуты не сомневалась в победе. Я, впрочем, тоже. Имела она все-таки нюх, превращавший ее в ходячий локатор удачи. Такие люди как будто заранее читают сценарий своей жизни, а все остальные – лишь статисты на заднем плане.

Черт, я реально даже не догадывалась, что эту опцию соцсетей – просмотр тех, кто тебя смотрит, – можно использовать как полноценный детективный профайлинг. Даже стыдно как-то. Но мы же всегда учимся, правда? Особенно легко учиться, когда тебя ловят с поличным в два часа ночи, и не на месте преступления, а на чужой виртуальной кухне.

Я снова сделала глоток. Кофе уже остыл, но почему-то стал казаться вкуснее – наверное, потому, что наконец-то начал работать. Я извлекла из кармана пижамы смартфон, потяжелевший, казалось, от осознания собственной вины. Открыла соцсеть. Вчерашняя сторис еще не исчезла, а за ней уже появилась новая. Со старой переснятой фотографии смотрели я и Аня, лет по шестнадцать, с дурацкими челками и в школьной форме. Надпись гласила: «Эксперты по тендерам и подсказкам с третьей парты. Скоро новое достижение!»

Я улыбнулась. Знает, красотка, что я посмотрю. И это не

демонстрация, а такой изящный айфонный ультиматум.

В этот же момент пришло уведомление о сообщении. Клиент всегда прав, особенно если он твой друг детства.

«16:00. Презентация проекта в лофте «Арка» на Фабричной, 15. Потом отмечаем в ресторане «ГастроЛик». Не опаздывай, а то шеф-повар лично съест все устрицы».

«ГастроЛик»... Звучало дорого, претенциозно и не по-тарасовски, наверняка означало помещение с бетонными стенами, черными бархатными диванами и одной-единственной ветчиной иберико на огромной тарелке за стоимость моего месячного платежа по ипотеке. Антон, видимо, выбирал. Аня же наверняка предпочла бы что-нибудь вроде «Бочонка» – уютного, душевного, где картошка фри идет ведерками. Но Антон был из той породы мужчин, для которых успех должен быть осязаем на зуб, а устрица – правильным аксессуаром к истории о выигранном тендере. Я вздохнула. Мой выходной плавно трансформировался в рабочий вечер с элементами светской пытки и гастрономической паники. Но отказать уже не было никакой возможности – меня вычислили по цифровым следам и взяли на слабо, используя в качестве рычага воспоминания о юношеской солидарности перед лицом учительницы по химии. Блестящий ход. Семенова не менялась. Ее муж – менялся, и, кажется, в сторону увеличения чеков.

Я еще раз взглянула на часы. 12:37. Весь утренний ритуал

с кофе и созерцанием тоски за окном занял у меня больше часа. Учитывая, что добираться до места встречи было около полутора часов, мне стоило уже шевелиться. Конечно, сегодня суббота, и вряд ли в нашем городе будут пробки в классическом понимании. Максимум – трактор на выезде из деревни или похоронная процессия, но и то маловероятно. Тем не менее я предпочитала всегда прибывать заранее. Опаздывать – это как добровольно отдавать контроль над ситуацией, а я этого не любила.

Перед тем как приступить к сборам, решила пообедать. Так уж вышло, что последнюю неделю я взяла себе отпуск после очередного дела. К отдыху я подошла с максимальной, почти бюрократической ответственностью. Впервые за долгое время я отказалась от доставок и готовила сама. Не потому, что была стеснена в финансах – хотя экономия никогда не бывает лишней, – а в первую очередь потому, что некоторые простые и вкусные вещи заказать никак не получится. Их можно только приготовить. Терпеть не могу пиццу, которая за полчаса доставки превращается в кожаную подушку, или суши, пахнущие автомобильным кондиционером.

Ассортимент холодильника, впрочем, был красноречив и скуден. Пара бутылок воды, одна бутылка сухого красного вина. Я не уверена, что правильно хранить ее в холодильнике, но у меня такая привычка – холодное кажется менее греховным, что ли.

Я вынула из холодильника кастрюльку со вчерашним супом и поставила на плиту. Через несколько секунд холодильник противно запищал, возмущаясь открытой дверцей. Я зажгла конфорку и вернулась, чтобы заткнуть его назойливый рот.

На его дверце творился творческий хаос, моя личная доска почета и памяти. Под магнитами всех мастей – от дешевеньких фруктов до привезенных из-за границы видов столиц – ютились билеты, открытки и фотографии. Под одним, с изображением лазурного берега и надписью «Мальдивы», висела фотография, подаренная Аней не больше полугода назад. А на ней – мы сами, лет на пять старше школьных, но еще не обремененные всем тем, что принесло взросление.

Студентки. Уже разные города, разные жизни. Отучившись в каком-то провинциальном техникуме, она грызла гранит медицинской науки в престижном столичном вузе, а я осваивала азы права в скромной Тарасовской академии. Дистанция была не только километровая, но и какая-то смысловая. Но в тот день мы нашли точку пересечения – Москву, и вот стоим на фоне Красной площади, улыбаясь в объектив случайного прохожего.

Поздняя весна, почти лето. Воздух дрожит от предвкушения тепла. Я, в потертых джинсах и простой черной футболке, чувствую себя немного угловатой и слишком высокой на ее фоне – как неуклюжий журавль рядом с породистой ми-

ниатюрной лошадкой.

Аня была маленьким шедевром даже тогда. Невысокая, с фигуркой, которую недоброжелательные одноклассницы звали «пышкой», а доброжелательные – «аппетитной». Она никогда не комплексовала, и эта уверенность была ее главным украшением. На фото – в лаконичном, но безупречно сидящем платье песочного цвета, с тонким ремешком на талии. Жгучая брюнетка – темные, почти синие волосы были собраны в небрежный, но наверняка полчаса создававшийся узел, от которого мягко отходили несколько упрямых прядей. Лицо с красивыми выразительными скулами и темными глазами, которые даже на старом снимке смеялись. Маленькое сияющее солнышко, которое грело не температурой, а заразной энергией. На запястье браслет – недорогой, но яркий, запомнившийся мне. Она всегда умела добавить одну такую деталь, которая превращала образ в историю.

От женихов у Ани отбоя не было, поэтому, когда ее выбор пал на Антона, я немного удивилась. Наверное, в этом была своя логика. Их роднила одна общая черта – внутренний лоск, совершенно чужеродный для нашего городка с его советской неуклюжей основательностью. Но лоск Ани был теплым и живым сиянием, созданным добротой, умом и врожденным вкусом. А то, что излучал Антон, всегда настораживало мое детективное чутье. Его блеск был холодным, как отполированная сталь, и таким же целенаправленным – всегда для выполнения задачи, всегда для создания нужного впе-

чатления.

Аня и Антон были вместе уже около пяти лет. И те, кто знает ее лишь по соцсетям, по яркому лакированному блогу, абсолютно уверены: «Вертикаль» они построили вместе, как идеальный тандем. В ленте Аня предстает образцовой, хоть и немного шаблонной, женой и бизнесвумен: бесконечные путешествия, ужины в ресторанах с непроизносимыми названиями, благодарности и публичные признания в любви Антону.

Однако я, хоть наше общение в последние годы и стало редким, позволю себе предположить, что салон эстетической медицины в самом центре Тарасова – в большей степени ее детище. За глянцевым фасадом семейного предприятия я вижу именно ее предпринимательскую хватку.

Во-первых, Аня всегда обладала почти животным чутьем на выгодные сделки. Она умела уловить момент, когда нужно надавить, а когда – отступить с улыбкой, оставив оппоненту приятную иллюзию его победы. Во-вторых, она говорила на языке и чиновников, и поставщиков, и снобов-клиентов. Ее обаяние было не фальшивой уловкой, а искренним интересом, который растворял предубеждение. Аня не просто продавала процедуру – она продавала доверие. В-третьих, и это главное, – химия. В прямом смысле. Многие авторские методики и составы кремов в «Вертикали» были построены на ее формулах и глубоком понимании процессов. Антон мог

вести переговоры с арендодателями и считать прибыль, но технологическое сердце клиники билось благодаря знаниям Ани. Она была не просто лицом бренда, а его инженером.

Закончив свой домашний, хоть и спартанский, обед, я решила, что пора собираться. Я, конечно, не планировала посещение салона красоты, но понимала: приложить хотя бы минимум усилий для создания приличного вида будет нелишним. Поэтому приняла душ, высушила волосы феном и встала перед зеркалом.

На улице стоял мерзкий, пробирающий до костей холод. Выбор пал на высокие шерстяные брюки карго темно-зеленого, почти хаки, цвета и объемный свитер из тонкой мериносовой пряжи сливочного оттенка. Это был мой компромисс между теплом и попыткой выглядеть «по-светски». Свитер с высоким воротником скроет отсутствие украшений, а практичные карго не дадут замерзнуть, но благодаря крою и ткани не будут выглядеть слишком уж походному. Сверху я набросила на спинку стула длинное шерстяное пальто-кокон цвета мокрого асфальта – универсальное оружие против любой непогоды и необходимое укрытие для всего, что надето под ним.

Расстелив выбранный ансамбль на кровати в слабой надежде, что он волшебным образом сам разгладится, я направилась к кофемашине. Но остановила руку на полпути. В

этот час я могла позволить себе ритуал. Взяла с полки маленькую медную джезву, уже почерневшую от времени. Этот медитативный и неспешный процесс всегда меня завораживал. Насыпала мелко помолотого кофе, добавила кардамон, раздавленный плоской стороной ножа, чтобы зерна раскрыли аромат. Залила холодной водой и поставила минимальный нагрев. Ждать. Следить. Вот по краям начинают появляться первые пузырьки, и кофейная гуща поднимается, образуя плотную бархатистую пенку. Я аккуратно сняла джезву с огня, дала пенке осесть. Вернула обратно. Второй подъем. Снова сняла. Третий. Моя магия, неизменный ритуал трех подъемов – гарантия того, что напиток получится крепким, но без горечи. После третьего раза я окончательно сняла джезву с плиты и дала ей постоять минуту, чтобы гуща ушла на дно. Затем наполнила ароматным дымящимся эликсиром маленькую фарфоровую чашку – не утреннюю кружку-«лопату», а изящную, с тонким ободком. Отодвинув с подоконника свидетельство утренней апатии, я снова уселась на стул, обхватила чашку двумя ладонями и уставилась в окно.

Вид за окном не изменился. Именно за это я и ненавижу этот переходный период – позднюю осень, раннюю бесснежную зиму. Солнце прячется за плотным ватным слоем облаков, и его невидимое движение никак не отражается на пейзаже. Город оставался плоским, двумерным, лишенным теней и объема – точь-в-точь старая выцветшая фотография. Единственное, что меняло облик города, – это сумерки. Они

наступали теперь гораздо раньше, подкрадываясь почти сразу после полудня, и эта преждевременная тягучая темнота лишь добавляла отвратительных баллов в моем личном рейтинге самых тоскливых времен года.

Допив вкуснейший кофе, цель которого была не разбудить затуманенный разум, а доставить удовольствие, я вернулась в спальню – она же единственная комната в моей квартире, она же склад для хранения вещей, она же кабинет. Я еще раз взглянула на свой наряд, расстеленный на кровати. К моему глубочайшему сожалению, он за время моего отсутствия не разгладился. Тем не менее, одевшись и оценив в зеркале получившийся образ, я решила, что выгляжу вполне сносно – строго, нейтрально и, главное, мне тепло.

Я вызвала такси, не дав себе передумать, борясь с искушением скинуть с себя зимние доспехи и снова закутаться в одеяло. Накинула плотное, проверенное годами пальто, надела шапку – она, конечно, безжалостно примнет мою и без того неидеальную прическу, но что поделаешь, здоровье все-таки дороже. Влезла в тяжелые ненавистные зимние сапоги, которые каждый год клялась заменить, но так и не находила времени, и вышла в подъезд, хлопнув дверью квартиры.

Оказавшись на улице, я ощутила влажный плотный холодок, однако он оказался не таким пронизывающим и злым, как я опасалась, глядя из окна на серое небо и голые деревья. Воздух был неподвижным и сырым, но не ледяным. Тем

более долго находиться на улице мне не предстояло. Я села в подъехавшую машину и под расслабляющую нейтральную музыку, льющуюся из радио, через полчаса без особых происшествий добралась до нужной точки. Дорога была спокойной и унылой, как и погода за окном.

Водитель высадил меня в отдаленной, но активно развивающейся бизнес-части Тарасова, которая была мне хорошо знакома. По роду деятельности мне частенько приходилось решать вопросы, связанные с местным предпринимательством, – от банальных консультаций по безопасности до куда более деликатных расследований, связанных с нечестной конкуренцией или хищениями. Здесь, среди этих стеклянных фасадов и рекламных вывесок, я допрашивала свидетелей в кафе, проводила встречи с клиентами в таких же строгих офисах и даже один раз участвовала в задержании не слишком умного, но весьма наглого мошенника прямо в его же собственном кабинете.

Я быстро нашла нужное здание – современную трехэтажную коробку из темного стекла и грубого серого бетона, стилизованную под модный лофт. Здание выделялось своей холодной геометрией среди более старых построек. Сверилась с часами на телефоне: без пятнадцати четыре. Точность – вежливость королей и надежный залог моего собственного душевного спокойствия. Толкнула тяжелую матовую стеклянную дверь и вошла внутрь, оставляя промозглый ноябрь-

ский день за спиной.

Пространство встретило меня простором и нарочитой индустриальной эстетикой. Высокие потолки с открытыми вентиляционными коробами и системой черных воздуховодов, бетонные стены, кое-где оживленные деревянными панелями. Под ногами – полированная мраморная плитка, холодная и безразличная. Вдоль одной из стен тянулась массивная деревянная стойка ресепшена, за которой никого не было – видимо, все уже собрались в основном зале. Приглушенные голоса доносились откуда-то справа. Воздух пах кофе, дорогим парфюмом и легкой нотой новой, еще не обжившейся мебели – запах амбиций и свежееотпечатанных визиток.

Я направилась к гардеробу. Внутри среди черных и серых пальто ярким пятном висело красное велюровое. Значит, Аня уже здесь. Я не видела это пальто «вживую», но раза три мельком в ее сторис, поэтому узнала сразу.

– Скажите, пожалуйста, где здесь проходит розыгрыш тендера? – спросила я у скучающей гардеробщицы.

– Налево лестница на второй этаж. Или лифт справа. Конференц-зал «Панорама», – монотонно ответила она, даже не подняв глаз от телефона.

Здание в субботний день было пустынным, будто вымершим. По пути мне не встретилось ни души. Как только я вышла с лестничного пролета на второй этаж, в коридоре сразу увидела Аню.

– Привет! – воскликнула она и буквально подлетела ко мне, раскинув руки для объятий.

– Привет, – выдохнула я, обнимая ее в ответ. И была искренне рада видеть подругу.

Она выглядела по-прежнему безупречно. Алые, будто нарисованные губы. Волосы цвета воронова крыла, собранные в низкий, но идеальный пучок. Большие карие глаза под густыми выразительными бровями. На ней было элегантное платье-футляр глубокого изумрудного цвета и туфли-лодочки на невысоком каблуке. Я с легкой грустью взглянула на свои тяжелые зимние сапоги и мысленно посетовала, что не догадалась захватить сменную обувь. Аня, однако, не высказала ни единого замечания по поводу моего вида.

– Слушай, я вообще-то даже не знала, что тендеры разыгрывают при зрителях, – заметила я.

– Ну вообще-то так не принято, – ответила Аня, слегка понизив голос. – Но можно пригласить небольшой круг близких. Так что для тебя у меня эксклюзивное предложение.

– Большая честь, – улыбнулась я.

– Пойдем, нас уже ждут. – Аня обняла меня за плечи и повлекла за собой в конференц-зал.

Зал был невелик и напоминал скорее студию для частных показов, чем официальное помещение. Высокий потолок с точечными светильниками, стены из неоштукатуренного кирпича, на одной из которых во всю ширину висело

полотно проекционного экрана. В центре стояла небольшая сцена с трибуной. Места было мало, не более пятидесяти кресел, расставленных полукругом, и они не были заполнены. В первых рядах сидело человек десять – солидные мужчины и женщины с бесстрастными внимательными лицами. Это были те, кто принимал решение. На сцене в этот момент выступал представитель какой-то строительной компании, показывая на экране графики. Его голос был ровным и немного монотонным.

Мы с Аней тихонько прошли к свободным местам в задних рядах. Она мягко подтолкнула меня к креслу, сама же скользнула вперед, к сцене, оставив легкий шлейф тонкого цветочного аромата. Я оглядела зал. Знакомых лиц не было. Потом мой взгляд выхватил Антона. Он сидел в первом ряду, чуть левее центра. Выглядел, как всегда, безупречно и несколько отстраненно. Холодные голубые глаза были прикованы к ноутбуку, который он держал на коленях. Его профиль казался высеченным из мрамора – волевой, с резкой линией подбородка, длинным, почти аристократическим носом и высоким лбом. Он кивнул в ответ на что-то своему соседу, и в этом движении чувствовалась привычная власть.

В зале сменился спикер. Голос ведущего, чистый и звонкий, разнесся под сводами:

– Для представления концепции приглашается Анна Семенова, салон эстетической медицины «Вертикаль».

Аня поднялась на сцену уверенным легким шагом. Платье-футляр не сковывало движений, а каблук лишь отчеканивали ритм. За ее спиной на большом экране вспыхнула первая слайд-презентация – лаконичный логотип и название проекта.

Аня взяла микрофон, и ее теплый и заряженный уверенностью голос заполнил пространство:

– Уважаемые члены комиссии, коллеги. Мы с вами сегодня говорим не о реконструкции здания. Мы говорим о восстановлении памяти. Историческая аптека на улице Дзержинского – это не просто объект культурного наследия. Это место, где на протяжении ста лет люди получали не просто лекарства, а заботу, доверие и надежду. Наша задача – вернуть зданию душу, но наполнить ее совершенно новым, современным смыслом.

Она сделала паузу, давая залу впитать сказанное, и на экране сменилось изображение. Теперь там были архивные фотографии фасада с замысловатой лепниной и старыми витринами.

– Мы предлагаем не музей. Мы предлагаем пространство, где история встречается с будущим. На первом этаже будет работать авторская кофейня и небольшая, но технологичная лаборатория, где мы будем создавать и продавать уникальные уходовые средства на основе натуральных компонентов – по сути, продолжая традицию той самой аптеки, но на аб-

солютно новом уровне. Мы используем только местное сырье: травы, собранные на волжских склонах, эфирные масла из садов области.

Следующий слайд показал график с цифрами – емкий, без лишних деталей. Аня говорила о рентабельности, об экологичности материалов для реставрации, о создании новых рабочих мест. Ее речь была лишена сухости отчета, она звучала как увлекательный рассказ.

– Но главное – это второй этаж. Пространство для мастер-классов, лекций о здоровом образе жизни, правильном уходе. Мы хотим, чтобы это место снова стало точкой притяжения, где люди будут получать знания и эмоции. Мы восстанавливаем не стены, а социальные связи. Мы возвращаем городу его историю, но в формате, который будет актуален для следующих поколений.

Она закончила, чуть склонив голову. В зале на мгновение повисла тишина, а затем раздались сдержанные, но одобрительные аплодисменты. Аня стояла под софитами, улыбаясь, и в ее сияющих глазах читалась абсолютная уверенность в том, что ее замысел – единственно верный. Она не просто представила проект. Она подарила залу его законченный, прекрасный образ.

Аня улыбнулась, кивнула залу и покинула трибуну, легко спустившись по ступенькам. Она направилась к первому ряду, к Антону. Он встал ей навстречу и обнял за плечи, при-

тянув к себе в деловом объятии. Она же запрокинула голову, глядя на него снизу вверх широко раскрытыми сияющими глазами, в которых читался безудержный восторг. В зале нарастал одобрительный шепот, слышался шелест перелистываемых страниц в папках, сухой стук откидывающегося кресла.

Следующий выступающий, мужчина в строгом костюме, представлял крупную сетевую компанию. Его речь была сухой, перегруженной цифрами и юридическими формулировками. Он говорил о стандартизации, оптимизации и рентабельности. Зал слушал в почтительной, но ледяной тишине. Когда он закончил, прозвучали такие же сдержанные аплодисменты. Он был последним.

После небольшой паузы председатель тендерной комиссии, строгий мужчина с седыми висками, объявил, что коллегия удаляется для принятия решения. В зале раздались приглушенные разговоры. Я не знала, сколько это может занять – пять минут или полчаса. Уже собиралась встать и пройти к Ане, чтобы поздравить ее с блестящим выступлением, как дверь в боковой стене снова открылась, и члены комиссии вернулись на свои места. Их лица ничего не выражали.

На трибуну снова поднялся председатель комиссии. Он поправил очки и, не глядя в бумаги, четко и громко произнес:

– На основании рассмотрения представленных проектов

тендер на реконструкцию объекта культурного наследия – здания исторической аптеки на улице Дзержинского – признан выигранным. Победителем объявляется проект, представленный салоном эстетической медицины «Вертикаль».

Аня ахнула, сжала кулаки в немой радостной гримасе и тут же снова вцепилась в рукав Антона, словно ища опоры. Она вся засветилась изнутри, как будто кто-то щелкнул выключателем. Антон же лишь кивнул, сохраняя идеальную холодную сдержанность. Он пожал руку соседу, что-то коротко сказал, и только легкая, едва уловимая победоносная складка в уголке его рта выдавала истинные чувства.

* * *

– А кто будет на празднике-то? – спросила я, когда такси бизнес-класса плавно подъезжало к ресторану «ГастроЛик».

– Только свои, – ответила Аня, проверяя что-то в телефоне. – Галя, моя подруга, сестра Антона Света, наш главный администратор Сергей, ну и Элла, конечно.

– Элла? – переспросила я. Остальных я знала, хоть и поверхностно. Но это имя слышала впервые.

– Ну да, Элла Овчинникова. Наша новая звезда, – с теплотой в голосе сказала Аня, поправляя прядь волос. – Правая рука, просто находка. Антон от нее в восторге.

Я лишь кивнула, глядя в темное окно. Интерьер «Гастро-

Лица», куда мы входили через тяжелую дверь с латунной ручкой, я угадала вплоть до местонахождения последней ложки. Бетонные стены, бархатные диваны цвета ночи, приглушенный свет, падающий с черных подвесных ламп. В воздухе витал сложный аромат дорогого кофе, трюфелей и чего-то еще – возможно, денег и тщеславия. Я почувствовала себя еще неуместнее в своих теплых сапогах на фоне сверкающего паркета.

Мы проследовали к столику в дальнем углу. Он был украшен несколькими серебристыми гелиевыми шарами с поздравительными надписями. Первой с места сорвалась единственная незнакомая мне девушка.

Элла оказалась миниатюрной шатенкой, с аккуратной прической, собранной в низкий хвост, и большими, невероятно выразительными голубыми глазами. Она бросилась к Ане с теплыми объятиями, потом с деловитой сдержанностью пожала руку Антону и, встретившись со мной взглядом, просто кивнула с легкой, ничего не значащей улыбкой.

Я села за стол, ощущая себя немного чужеродным элементом в этой тщательно составленной композиции успеха. За столом, помимо нас, уже были Галя – подруга и коллега Ани с открытым, добродушным лицом и смехом, который, казалось, мог разогнать даже тарасовские тучи; сестра Антона, Света, – элегантная, как с глянцевой страницы журнала, и столь же отстраненная, словно ее мысли витали где-то между Миланом и следующим сетевым маркетингом; и Сергей,

главный администратор «Вертикали», мужчина лет сорока с усталыми, но невероятно внимательными глазами, которые, казалось, походя оценивали себестоимость всего в радиусе десяти метров.

Но главным действующим лицом был, безусловно, стол. Он кокетливо выставлял напоказ свое благосостояние. На нем, как на подиуме, располагались закуски, каждая из которых была маленьким перформансом. Тартары – не просто сырое мясо, а геометрически безупречные кубики, посыпанные чем-то зеленым и микроскопическим, вероятно, выращенным в единственной на планете лаборатории. Устрицы лежали на идеальной горке колотого льда, словно драгоценные, слегка сомнительные жемчужины, ожидающие своего гастрономического часа. Тарелки с сырами напоминали не столько еду, сколько палитру художника-абстракциониста: здесь был клин с благородной плесенью, похожий на карту неизвестных земель, а там – оранжевая глыба, источающая аромат, от которого слезились глаза от счастья или недоумения. Вяленое мясо было нарезано с такой ювелирной тонкостью, что просвечивало, и казалось, развесь его на окне, оно могло бы служить стильной альтернативой шторам. В центре этого изобилия, словно священные сосуды, возвышались несколько бутылок дорогого итальянского вина с этикетками, на которых был изображен не виноград, а, судя по всему, фамильный герб какого-нибудь графа. Весь этот ансамбль настойчиво нашептывал одно: «Ты не просто ешь. Ты инве-

стируешь в опыт». Опыт, от которого у меня, честно говоря, уже начинало сосать под ложечкой – от голода или сардонического веселья, я еще не решила.

Сергей, сидевший рядом, сразу обратился ко мне, наливая вино в высокий бокал.

– Рад знакомству, Татьяна. Аня много о вас рассказывала. Ваша профессия всегда меня интриговала, – произнес он нейтрально, но с искренним интересом в голосе.

– Чаще интригует тех, кто с ней не сталкивался близко, – с легкой улыбкой парировала я.

– Возможно. Но наблюдательность – полезный навык в любой сфере, – заметил он, слегка приподняв бокал в немом тосте.

Музыка в заведении была легкой, джазовой. Несмотря на полную посадку в основном зале, наш столик, отгороженный импровизированной ширмой из бамбука, создавал ощущение приватности.

Антон поднял бокал первым.

– За победу. За команду. И за тех, кто в нас верил, – сказал он коротко, но весомо. Его взгляд скользнул по Ане с одобрением.

– За нашу «Вертикаль» и за то, чтобы все проекты были такими же прекрасными, как наша победительница! – звонко добавила Элла, улыбаясь во весь рот и явно имея в виду выигранный тендер.

– Ой, да ладно вам, – засмушалась Аня, но глаза ее сия-

ли. – Спасибо всем, что были рядом. Это наша общая заслуга.

Бокалы тихо звякнули, возвестив начало светской пытки, которую я предчувствовала. Беседа потекла по спокойному, предсказуемо праздничному руслу: детали проекта, сметы, планы на реконструкцию и легкая, ни к чему не обязывающая болтовня о новом ресторане в городе. Я отпивала вино, наблюдала и слушала, будто изучала пьесу, где у каждого персонажа была своя четко прописанная роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.